

274. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9(21)—17(29) октября 1856. Рим

Рим. 21 октября.

Спасибо тебе за письмо,¹ за добрые вести и за твое радение о «Современнике». Вместе с твоим я получил 2 письма — одно от Вульфа,² другое от Чернышевского;³ оба они воздают хвалу твоей аккуратности, жалуясь в то же время на всех остальных: и на Островского, и на Толстого, и на Григоровича, которые по разным причинам или без всяких причин не исполнили своих обещаний.⁴ Но вот что они сделали: рядом с твоим «Фаустом» в X № «Соврем(енника)» они поместили «Фауста» в переводе Стр(уговщикова) — понравится ли тебе это? кажется, ничего, а перевод Стр(уговщикова) довольно хорош, и авось русский читатель прочтет его на этот раз, заинтересованный твоей повестью, которую наверно прочтет.⁵ Чернышевский оправдывается в помещении двух «Фаустов» тем, что нечего было печатать, и очень боится, чтоб ты не рассердился.⁶

Я живу так себе — ни худо, ни хорошо — или, вернее, то хорошо, то худо — полосами. Совет твой жить со дня на день очень хорош, но я как-то лишен способности наладиться на такую жизнь; день, два идет хорошо, а там смотришь — тоска, хандра, недовольство, злость... всему этому и есть причины и, пожалуй, нет... Писать об этом больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Рим мне тем больше нравится, чем более живу в нем — и я твержу про себя припев к несуществующей песенке:

Зачем я не попал сюда
Здоровей и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатления были живы и сильны и ничто не засоряло души, мешая им ложиться. Я думаю так, что Рим есть единственная школа, куда бы должно посылать людей в первой молодости, — в ком есть что-нибудь непошрое, в том оно разовьется здесь самым благодатным образом, и он навсегда унесет отсюда душевное изящество, а это человеку понужней цинизма и растления, которыми дарит нас щедро родная наша обстановка. — Но мне, но людям, подобным мне, я думаю, лучше вовсе не ездить сюда. Смотришь на отличное небо — и злишься, что столько лет кис в болоте, — и так далее до бесконечности. Возврат к впечатлениям моего детства стал здесь моим кошмаром, — верю теперь, что на чужбине живее видишь родину, только от этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось в русской жизни, даже манера уезжать за границу, изнашивши душу и тело... Зачем я сюда приехал?

Чтоб больше жизни стало жаль...

По наклонности к хандре и романтизму иногда раздражаюсь здесь от бесчисленных памятников человеческого безумия, которые вижу на каждом шагу. Тысячи тысяч раз поруганная, распятая добродетель (или найди лучше слово) и тысячи тысяч раз увенчанное зло — плохая порука, чтоб человек поумнел в будущем. Под этим впечатлением забрался я третьего дня на купол св. Петра и плюнул оттуда на свет божий — это очень пошлый фарс — посмейся. Во мне мало здоровой крови. Жить для себя не всякий день хочется и стоит (с какой ноги встанешь с постели) — и тогда приходит вопрос: зачем же жить? Поживем для того, чтоб хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, — отвечает какой-то голос, очень самолюбивый голос! Но когда он молчит, когда нет этой веры, тогда плюешь на все, начиная с самого себя. Ах, милый мой Тургенев, как мне понравились твои слова: «наше последнее слово еще не сказано» — не за веру, которая в них заключается и которая может обмануть, а за готовность жить для других. С этой готовностью, конечно, сделаешь что-нибудь.

Я поджидаю Фета; сегодня уж 29 октября (письмо это начато давно), а его что-то нет.⁷ Если и поеду в Неаполь, то ненадолго. Жить зиму буду в Риме; теперешняя моя квартира

не на солнце; ищу другую — и возьму такую, чтоб была лишняя комната для тебя, коли ты найдешь удобным у меня поселиться. Нечего и говорить, что я обрадовался ужасно надежде пожить с тобой в Риме. Не изменяй плана, разве в таком случае, если жаль будет покидать т-те В(иар- до).⁸ Ну, тогда бог с тобою — увидимся в феврале — я думаю в феврале быть в Париже. Здоровье мое изрядно, т. е. я таков, каков был до потери голоса. А(вдотья) Я(ковлевна) тебя благодарит и кланяется. Прощай.

Твой Некрасов.

29 окт(ября)

Примечания

Подлинник: ИР ЛИ, № 21.194, л. 61—62 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 607—609.

Год устанавливается по связи с п. 272 и 273.

¹ Это письмо Тургенева неизвестно.

² Письмо К. И. Вульфа Некрасову неизвестно.

³ Письмо Н. Г. Чернышевского от 24 сентября 1856 г. (см.: Чернышевский, т. XIV, с. 311—317).

⁴ Имеются в виду участники «обязательного соглашения».

⁵ В письме к И. И. Панаеву от 3(15) октября 1856 г. Тургенев писал: «Я очень рад, что „Фауст“ в окончательном виде тебе понравился; дай бог, чтобы он понравился также публике. Вы хорошо делаете, что помещаете перевод Гетева „Фауста“; боюсь только, чтобы этот колосс, даже в (вероятно) недостаточном переводе Струговщикова, не раздавил моего червячка; но это участь маленьких; — и ей должно покориться* (Тургенев, Письма, т. III, с. 19). Перевод «Фауста» Гёте в переводе А. Н. Струговщикова был опубликован вместе с повестью Тургенева в «Современнике» (1856, № 10).

⁶ Некрасов пересказывает письмо Чернышевского от 24 сентября 1856 г.

⁷ А. А. Фет приехал в Рим 25 ноября 1856 г. (см. п. 275).

⁸ Имеется в виду Полина Виардо.